

ТИМ СКОРЕНКО

ЭВЕ

РЕСТ

РОМАН
О ЛЮБВИ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
С44

Серия «Суперпроза»

Серийное оформление и дизайн обложки *Юлии Межовой*

Скоренко, Тим

С44 Эверест / Тим Скоренко. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 349, [1] с. — (Суперпроза).

ISBN 978-5-17-110754-3

27 мая 1953 года новозеландец Эдмунд Хиллари и шерп Тенцинг Норгей первыми ступили на вершину высочайшей горы мира — Эвереста. Но... первыми ли? До них как минимум два человека претендовали на эти лавры: великий альпинист Джордж Мэллори, пытавшийся покорить Эверест в 1924 году, и безумец-одиночка Морис Уилсон, предпринявший свою авантюру в 1934-м. Кто из них был первым? Загадку в наше время хочет разгадать англичанин Джон Келли — он идет наверх, чтобы раз и навсегда поставить точку в этой истории...

Центральная линия романа — жизнь Джорджа Мэллори и обстоятельства, предшествующие его легендарному восхождению, его любовные отношения и научные работы, его многочисленные путешествия и Первая Мировая война. Неожиданный, провокационный взгляд на историю покорения Эвереста и одновременно литературная игра — в романе «Эверест».

© Тим Скоренко, текст, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Кем был для меня Джордж Мэллори? Человеком, который предпринял самую смелую попытку подняться на Эверест — и этим открыл невозможный ранее путь для всех остальных.

Райнхольд Месснер

Я с превеликим удовольствием прочитал (и перечитал) текст Тима Скоренко, который автор именует романом и который романом, скорей всего, и является. Но только не таким, как те, что когда-то изучали в школах, и даже не как те, что попадают в шорт-листы нынешних литературных премий, от чинного «Букера» до хулиганского «Нонконформизма». Здесь, слава богу, новое письмо, а не заезженная виниловая пластинка традиционной русской литературы, каким бы словесным экспериментам ни подвергали ее нынешние творцы, чьи имена на слуху. Ибо суть текста Тима Скоренко не в слове, а в деле, и это искусное сплетение фикшн и нон-фикшн — несомненно удавшийся поиск языка новой классики, вновь разворачивающейся к человеку, которому в принципе начхать на войны, революции и другие глобальные явления, которые должны бы спасти заблудшее человечество, да боюсь, скоро его окончательно загубят. Ну и со словом здесь все в полном порядке, книга читается на одном дыхании. Одним словом, «Эверест», господо!

Евгений Попов

Часть 1

МОРИС УИЛСОН

Глава 1

ЗОНА СМЕРТИ

Цеванг Палжор¹ лежит на северо-восточном склоне в небольшой скальной нише. Головы его снаружи не видно — он уткнулся в стык между полом и стеной, обхватив себя руками. На нем красная куртка (капюшон прикрывает лицо) и синие штаны. Ногами Цеванг Палжор лежит к выходу, и первое, что бросается в глаза, — это его ядовито-салатовые ботинки. По ним ориентируются все экспедиции. Это восемь с половиной тысяч метров. Осталось немного. Мы почти добрались.

Войдя в пещеру Зеленых Ботинок, вы встретите еще одного ее обитателя. Это Дэвид Шарп. Он сидит, опираясь на колени сцепленными руками в голубых перчатках. На нем синяя куртка, капюшон поднят, лицо до носа укутано шарфом, глаза закрыты. Кажется, сейчас Дэвид Шарп откроет глаза, поднимется и выйдет из пещеры, чтобы спуститься в базовый лагерь. Впрочем, стоп. Дэвида в пещере

---

¹ Список реальных исторических личностей, фигурирующих в романе, приведен в конце книги.

уже нет — его все-таки похоронили по-человечески. Но раньше он действительно здесь сидел.

В документальном фильме канала Discovery группа альпиниста Марка Инглиса находит еще живого Шарпа. Он открывает глаза, мигает, меняет положение головы, смотрит в камеру. Даже называет свое имя. Но его нельзя взять с собой, потому что на самом деле он мертв. Гипоксия и гипотермия превратили его тело в кусок льда. Даже глаза, глядящие в камеру, мертвы. Группа Инглиса уходит, а потом мимо проходит еще одна группа, и еще одна, и все это время Дэвид Шарп умирает. Потом его выносят из пещеры и хоронят в каменном саркофаге.

Их много. Вы пройдете мимо Роба Холла, мимо Скотта Фишера, мимо Ханнелоры Шматц и Рея Дженета, мимо Фрэнсис Арсентьев и других. Мимо болгарина Христо Проданова, который шел соло, без кислорода, и добрался до вершины 20 апреля 1984 года, чтобы на следующий день погибнуть во время спуска. Вы пройдете мимо сотни тел, лежащих в десяти метрах от маршрута, и не будете знать, кто это. Для вас это просто ориентиры. Да, мы идем верно. Да, здесь должен быть вот этот, сорвавшийся. Или этот, с черепом вместо головы. Да, все верно.

Всего их двести восемьдесят один, по крайней мере — пока. Кого-то спустили вниз и похоронили, но большинство осталось там, среди снега и льда. Завтра может стать больше на одного, на два, на десяток. И они навсегда останутся там. Никто не спасет их, никто не принесет горячего чая или дополнительный баллон с кислородом, пока они еще живы, и не потащит вниз, потому что это невозможно. Они нашли себе лучшую могилу, о какой только может мечтать альпинист. Замерзнуть в позе, которую выбираешь сам. Служить другим — тем, у кого вершина еще впереди.

Историки до сих пор спорят, добрался я до вершины или нет. Погиб я во время восхождения или все-таки на спуске. Достиг ли своей нирваны. Говорят, мое тело нашли на семи с половиной тысячах метров и даже пристойно похоронили, сбросив в одну из трещин. Я горжусь тем, что моим надгробным камнем стала высочайшая вершина мира. Между тем мою палатку видели километром выше — ошиблись? Может, это была не моя палатка? Не все ли равно? Я не претендую ни на реальные лавры Хиллари, ни на условные лавры Мэллори. Пусть они спорят между собой. Хотя, будем честны, я бы мог разрешить этот спор, если бы находился в каком-то другом месте, а не в недоступном ущелье.

Не важно, право слово. Эта история затрагивает меня лишь отчасти. Я играю роль стороннего наблюдателя, который знает гораздо больше, чем вы, и может более или менее объективно изложить свои знания. Конечно, я мертв, а вы живы. Но значит ли это, что я должен молчать? Нет.

Райнхольд Месснер в книге «Хрустальный горизонт» рассказывает о первом — с его точки зрения — бескислородном восхождении на вершину мира. Он шел медленно-медленно: делал десять шагов, затем длительное время отдыхал, рассчитывая время так, чтобы не застыть. Застоишься — придется сесть. Засидишься — придется лечь. Ляжешь — встать уже не придется. Месснер все делал правильно. Он шел на пределе, на упорстве, на безумном желании, преодолевая трудности и преграды. В лагере его ждала Нена, которую он позже никак не мог узнать. Он не понимал, кто это, зачем эта женщина помогает ему, и где все его друзья. Нена была красивая, я помню ее милое личико, ее вздернутый носик, глазищи на

пол-лица. Таким женщинам не место в горах. Впрочем, и на кухне им не место. Нену я хорошо представляю, например, ловящей бабочек на каком-нибудь британском лугу. Пасторальная картина. Впрочем, той, юной, Нены уже нет. Я даже не знаю, жива ли она.

К сожалению, я привязан к определенной ограниченной территории и не могу ее покинуть. Меня сдерживает вовсе не какая-то невидимая стена, в которую можно врезаться лбом. Нет, что вы. Скорее, это та самая граница, которая не позволяет идущему по маршруту альпинисту сойти с тропы и напоить чаем из термоса умирающего товарища. Казалось бы, вот он, в пяти метрах, сделай несколько шагов и приложи к его обмороженным губам теплое горлышко. Но это невозможно. Потому что, если ты сделаешь шаг, ты умрешь. Если ты попытаешься спасти кого-либо — ты умрешь. Если ты сойдешь с тропы — ты умрешь.

Я, к слову, не ходил с тропы. Я шел правильно, потому что меня вела моя вера. Но, несмотря на это, я умер.

Теперь я знаю, как это называется. Горная болезнь. В моем сознании собираются термины, придуманные человечеством за годы, прошедшие со дня моей смерти: гипотермия, гипоксия, цианоз. Я ничего не знал обо всем этом, когда шел наверх. Но скажу честно: знание не помогает. Помогают антигипоксанты¹: гутимин, ранолазин, пергекселин, убихинон, оксibuтират натрия — я могу перечислять их долго. Потому что каждый принимает что-то свое, а я впитываю его знания и предпочтения.

---

¹ Лекарства, улучшающие циркуляцию кислорода в организме и повышающие устойчивость к гипоксии.

Сначала появляется утомление. Казалось бы, ты не сешь на себе всего пять чертовых килограммов, но создается ощущение, что их не пять, а сто. Еще одышка — нужно много дышать. Еще головокружение. Еще сонливость и бессонница одновременно. Тебе страшно хочется уснуть, когда ты просто садишься на привале, но, как только ты раскладываешь палатку и упаковываешь себя в спальный мешок, сон куда-то пропадает. Это только начало. К такому можно приспособиться, пожив несколько дней в базовом лагере.

Потом начинается вторая стадия. Симптомы значительно усиливаются, вдобавок к ним присоединяются новые. Один из них — эйфория. Тебе кажется, что все легко. Ты начинаешь болтать с попутчиками, если таковые имеются, ты бежишь там, где следует ползти, рюкзак, кажется, весит считанные граммы. Только это ложь, иллюзия, сотворенная для тебя собственным организмом, и эта ложь еще аукнется. Когда из носа начинает идти кровь, ты понимаешь, что есть какой-то предел. А потом возникает рвота. И еще не надо забывать про понос. К пяти тысячам метров ты изможден и хочешь только одного — чтобы прекратилась боль. Страшная, чудовищная, разрывающая головная боль.

Потом появляется сухой, раздражающий горло кашель. Желудок скручивает узлом, живот пучит. Дыхание сбивается. Лицо синеет, начинается кровохарканье.

На этой, третьей, стадии уже нельзя подниматься. Даже на второй нужно срочно идти назад. Я этого не знал и потому полз вперед. Современные альпинисты это знают — и все равно идут, чтобы найти свой последний приют в пещере Зеленых Ботинок.

В мое время не было ацетазоламида. Не было дексаметазона, дибазола и, как ни странно, виагры. Ничего смешного. На уровне моря виагра помогает справиться с женщиной, здесь же виагра улучшает кровоснабжение и позволяет одержать значительно более серьезную победу — над горой. Нет, у вас не будет хронической эрекции, даже если съесть целую упаковку за раз. Во-первых, виагра не афродизиак. Во-вторых, на таких высотах не до секса.

У Дэвида Шарпа, каким его увидела камера канала Discovery, была абсолютно синяя кожа. Он вряд ли мог лечь — из-за удушья приходилось сидеть. Возможно, он просто замерз. Возможно, он умер от отека легких — так погибает четверть всех невозвращенцев. И еще четверть — от отека мозга. У меня были легкие. Страшно, когда ты ложишься от усталости, но тут же поднимаешься, потому что лежа вообще не можешь дышать.

В принципе, ты уже мертв, дружок.

Джордж Мэллори обещал в случае успешного восхождения оставить на вершине портрет жены, Рут Тернер. Но не оставил. Это является основным аргументом тех, кто уверен в первенстве Хиллари, поднявшегося на гору тридцатью годами позже.

Аргументов в пользу Мэллори тоже хватает. Его тело найдено на высоте 8155 метров, а его кислородный баллон и ледоруб Эндрю Ирвина, напарника Мэллори, — значительно выше: на 8480 и 8460 метрах соответственно. Значит, они добрались как минимум до этих высот. Мэллори — опытный альпинист — умер не от гипоксии или ослабления организма. Он умел справляться с такими вещами. Нет, он просто разбился. Переломы и ушибы

означали только одно: Мэллори забрался достаточно высоко, а затем начал спускаться и сорвался на спуске. Неужели он развернулся бы, не дойдя четырехсот метров до вершины? Вряд ли.

Нередко бывает так, что до вершины остаются считанные метры — и альпинист впадает в состояние эйфории, я уже упоминал о ней. Он чувствует прилив сил, он может даже побежать, если позволит тропа. А потом он умрет — на обратном пути, когда силы будут растрочены на бессмысленный бег и восторг.

В принципе, я умер именно так. Я не знал ни о горной болезни, ни об ослаблении организма, хотя и чувствовал их в полной мере: меня рвало кровью и несло по двадцать раз на дню. Но когда до вершины осталось чуть-чуть, всю боль как рукой сняло. Я добежал, добрался, дополз и упал лицом в снег, разгребая его руками, отталкивая от себя. Сил поднять глаза и посмотреть на окружающую меня красоту не было. Да и в любом случае я потерял солнцезащитные очки. Если бы я посмотрел наверх, то ослеп бы. Странно, но блеск снега мои глаза выдержали.

Да, именно так. Я был на вершине, просто вся эта история — не обо мне. Я лишь наблюдатель, способный превратить картинки в слова. Я вижу все. Я смотрю на туристов, которые поднимаются до Кала Паттар и не идут дальше, потому что это все, что им нужно, — поглядеть на гору со стороны. Я смотрю, как альпинисты, уже выйдя из базового лагеря, спускаются обратно, чтобы вернуться ни с чем, потому что жизнь им дороже вершины. И, если честно, все они кажутся мне одинаковыми. В мои времена сюда шли, чтобы стать первыми. Это удалось Хиллари — аплодисменты... Официально, конечно.

Потом шли, чтобы стать первым без кислорода (официально — Райнхольд Месснер и австриец Петер Хабелер), первым в одиночку (снова Месснер), первым без ног (Марк Инглис), первой женщиной (Дзюнко Табэи), первой женщиной без кислорода (Лидия Брэйди), первым слепым (Эрик Вейхенмайер) и так далее. Рекорды, рекорды, рекорды... Все эти рекорды высосаны из пальца. Мне кажется, что главное в этом деле — подняться, зафиксировать свое пребывание на вершине и спуститься. Есть галочка в зачетной книжке. Одна из четырнадцати необходимых. Другое дело, что все предметы в этом университете — факультативны.

Бывают, правда, интересные студенты. Например, Дидье Дельсаль. Его трудно назвать альпинистом, хотя он побывал на самой вершине и окинул взглядом окрестности. Просто он не шел наверх по одному из склонов, а поднялся на вертолете Eurocopter Ecureuil/AStar AS350 В3. Он пробыл на вершине горы две минуты 14 мая 2005 года, а затем еще столько же на следующий день. Теперь эту модель вертолета показывают в рекламе не иначе как на фоне гор, а ее продажи возросли в десятки раз. Никто и никогда не смог повторить двойной трюк Дельсаля. Он был единственным человеком, поднявшимся на гору вообще без альпинистского оборудования. Даже без рюкзака. Признаться, я с интересом наблюдал за ним. Если бы двигатель вертолета заглох, Дельсаль бы погиб. Его бы сразу смело в пропасть, потому что на вершине нет ровной площадки, а посадка засчитывается просто двухминутным касанием поверхности горы при вращающемся винте. Конечно, он мог бы успеть выбраться. Но тогда его смерть растянулась бы на много часов.

Удивительно, но в мое время вертолеты были чем-то диковинным, не способным пролететь более нескольких сотен метров. Обладай я такой машиной вместо приснопамятной развалюшки De Havilland, все было бы значительно проще. Я бы просто приземлился на вершине, и всё. Но в любом случае мой «мотылек» конфисковали еще в Индии.

Человека, о котором я хочу рассказать, звали Джоном Келли, и он родился в Мобберли. Да, в той самой деревушке Мобберли, где почти за сто лет до него появился на свет Джордж Мэллори.

Я странно познаю мир. События, которые давно всем известны, могут достигнуть моей расщелины с полувекowym опозданием. Помнится, в 1982 году я был поражен переговорами советских альпинистов — впервые в жизни я сумел углубиться в психологию русских, послушать их разговоры и узнать много нового об их удивительной стране. Когда меня не стало, Союз был в стадии становления, его (да и всю Европу) еще не опалило пламя войны, а теперь он был могущественным государством, занимавшим половину мира и постоянно находившимся в негласном конфликте с Америкой.

Вернемся к Джону Келли. Он появился в базовом лагере на высоте около 5300 метров с четырьмя шерпами. Один из них остался чем-то недоволен и отказался идти дальше. Остальные трое планировали двигаться к вершине. Одного звали Пемба, второго — Дава, а третьего — Ками. Я никогда не отличал шерпов друг от друга. Мне они казались и продолжают казаться одинаковыми, точно близнецы.

Вся эта компания выглядела совершенно обычно. Альпинист хочет взойти на гору, нанимает группу проводни-

ков-носильщиков, берет с собой приличный запас еды и кислорода — и вперед, наверх. Естественно, никто не собирается бить безумный рекорд Пембы Дордже, который умудрился подняться на вершину из базового лагеря за восемь часов. Девяносто девять процентов людей не выдержало бы такого темпа чисто физически. Нет, Келли собирался просто идти наверх — аккуратно, без лишнего экстрима, как получится.

Я не приглядывался к нему. Сколько их прошло мимо меня — разных, сильных и слабых, уверенных в себе и трусливых. Сколько их не вернулось обратно. Сколько сошло на середине маршрута, сдалось, сползло вниз, чтобы никогда больше не вернуться. Келли был одним из тысяч, и он не был мне интересен. Когда Пемба Дордже сочетался браком со своей девушкой на самой вершине — это было интересно. И когда Аппа Тенцинг «брал» гору в двадцать первый раз — тоже. А рядовое восхождение Келли первоначально не вызвало у меня азарта. Пусть он даже был моим соотечественником. Таких, как он, было слишком много.

Более того, по внешнему виду и подготовке Келли я сделал вывод, что он сдастся где-то на семи тысячах, вряд ли позже. Даже до штурмового лагеря не дойдет. Его свалит гипоксия. Он испугается того, что зрение внезапно ухудшилось примерно в два с половиной раза. Или того, что десять килограммов за плечами неожиданно превратились в сто. Он сойдет с дистанции.

Но он не сошел.

Вернемся в 1934 год. Четырнадцатого апреля мы с тремя шерпами добрались до монастыря Ронгбук, расположенного на высоте 4980 метров. По меркам тридцатых,

его как раз можно было считать базовым лагерем. Настоятель встретил нас приветливо, гостеприимно. Он предлагал подождать хорошей погоды, пожить в монастыре хотя бы пару недель. Шерпы согласились, я — нет. Гора стояла передо мной, и я не мог ждать ни минуты. Я и теперь считаю, что был прав. Я ведь добрался до вершины, а что потом — не так уж и важно.

Моей первой ошибкой был отказ от оборудования Ратледжа. Ратледж был слишком грамотным, аккуратным и рассудительным для настоящего альпиниста. Он рассчитывал время по секундам, жизнь для него значила гораздо больше восхождения, и отказался от вершины в пользу благополучного возвращения. Ну что же, он получил свою золотую медаль от Королевского географического общества. Я получил свою вершину.

Ратледж готовился к экспедициям основательно. В тридцать третьем он не сдался — и оставил большую часть оборудования в монастыре, чтобы вернуться на гору тремя годами позже. Он вернулся — к тому времени я уже лежал в своей трещине и смотрел на него, неудачника, несколько свысока. Даже когда он проходил непосредственно надо мной.

Там были кошки, веревки, ледорубы — все необходимое для успешного восхождения. Я не понимал, зачем это нужно. У меня имелись руки и ноги, этого должно было хватить. Зачем нужна раскладная лестница? Может, я хочу превратить восхождение в загородную прогулку? Ни в коем случае. Так я думал тогда.

Теванг, Ринзинг и Церинг были, с моей точки зрения, ленивыми свиньями. Они, казалось, собирались поселиться в монастыре навсегда, прикарманив выплаченный им аванс. Они пытались отговориться плохой погодой (над